Максим Пулькин

Старообрядцы-странники во второй половине XIX — начале XX в. (на основе отчетов каргопольских миссионеров)

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-3-207-222

Maxim Pulkin

Old Believers Wanderers in the Second Half of the 19th — Early 20th Century (Based upon Reports of Kargopol Missionaries)

Maxim Pulkin — Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation) *mvpulkin@mail.ru*

The article discusses the patterns of everyday life of the Old Believers-wanderers in the territory of Kargopol district of the Olonets province. It draws upon new archival materials of church and secular origin, as well as a number of significant works by the missionaries. The study explores peculiarities of the wanderers' worldview, the forms and methods of their preaching activity, and the structure of their communities. The wonderers' teaching was deeply eschatological, which led to a complete break with "the world of Antichrist". The study provides a detailed description of the everyday life of the wanderers. An important feature in the life of these communities was constant and intensive ties between territories where their co-religionists were present. Particular attention is paid to the problems of mutual perception and confrontation between the wanderers and government representatives (police and clergy). The wanderers' activities, in spite of their eschatological attitudes, showed in fact their intense involvement with the outside world.

Keywords: Old Believers, church, police, clergy, peasants, orthodoxy, strangers, runners, wanderers.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9).

Староверы-странники (их также нередко называют бегунами или скрытниками) привлекали внимание современников событий необычным стилем повседневной жизни[1]. Особенности общин бегунов закономерно привели к значительным трудностям в исследовании причин и обстоятельств их появления. Бо̀льшая часть специалистов связывает возникновение страннического согласия с именем инока Евфимия (1743–1792)[2]. Наиболее фундаментальные труды принадлежат перу Е.Е. Дутчак[3] и А.И. Мальцева[4]. Отдельные значимые наблюдения и выводы об истории странников Каргопольского уезда содержатся в трудах Н.Ю. Бубнова[5], С.В. Кулишовой[6], Е.В. Прокуратовой[7].

1. *Алябьев.* Записка о страннической или сопелковской ереси о мерах к преграждению ея влияния // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Лондон, 1861. Вып. 2. С. 41–75; *Аксаков И.С.* Краткая записка о странниках или бегунах // Русский архив. 1866. № 4. С. 627–644; *Докучаев-Басков К.А.* Из жизни каргопольских странников-бегунов // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете 1913 г. М.: Синодальная типография, 1913. Кн. 3 (246). С. 14–27; *Казанский К.И.* О расколе в Троицком приходе Каргопольского уезда. Петрозаводск, 1890. 48 с.; *Лихачев А.* О старообрядцах в Каргопольском уезде. Петрозаводск, 1911. 46 с.; *Максимов С.В.* Скрытники и христолюбцы // Отечественные записки. 1876. № 7–8. С. 34–46; *Островский Д.* Каргопольские «бегуны». (Краткий исторический очерк). Петрозаводск, 1900; *Пругавин А.С.* Вредные секты: Очерки уральского сектантства по официальным данным // Русская старина. 1884. № 3. С. 640–649; *Приклонский С.* Странники или бегуны (Из народной жизни на Севере) // Северный вестник. 1888. № 9. С. 101–128; *Харламов И.Н.* Странники: Очерк из истории раскола // Русская мысль. 1884. № 4–6. С. 34–85.
2. *Мальцев А.И.* Староверы-странники в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 19.
3. *Дутчак Е.Е.* Биография старовера-странника: проблемы реконструкции // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 80–83; *Она же.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 410 с.
4. *Мальцев А.И.* Староверы-странники в XVIII — первой половине XIX в.; *Он же.* Краткая формула исповедания веры у староверов-странников // Старообрядчество: история, культура, современность. М.: Церковь, 2000. С. 62–69; *Мальцев А.И.* Странники-безденежники в первой половине XIX века // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск: Наука, 1989. С. 330–351.
5. *Бубнов Н. Ю.* Духовное наследие каргопольских странников // Христианство и Север. М.: Б.и., 2002. С. 146–137.
6. *Кулишова С.В.* Странники и миссионеры в Каргопольском уезде // Христианство и Север. М.: Б.и., 2002. С. 143–154.
7. *Прокуратова Е.В.* История каргопольских странников в сочинениях старообрядческого книжника XX века М.И. Залесского // Рябининские чтения — 2015. М-лы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. С. 504–506; *Прокуратова Е.В.* К вопросу об изучении вопросо-ответных сочинений странников-статейников XIX–XX вв. //

Основное внимание исследователей привлекало мировоззрение бегунов, их полемические сочинения, созданные преимущественно в XVIII — первой половине XIX в.[8] Задача данной статьи заключается в выявлении и исследовании специфических черт повседневной жизни каргопольских странников во второй половине XIX — начале XX в.

Источниковой базой для статьи послужили миссионерские отчеты, обнаруженные в Национальном архиве Республики Карелии, материалы делопроизводства органов власти, прежде всего уездного полицейского управления, обязанного содействовать церкви в борьбе против старообрядчества. Особое значение имеет подробное описание страннического толка, составленное в 1899 г. преподавателем Каргопольского духовного училища Д.М. Березкиным по заказу губернского правления. Перечисленные документы позволяют выявить подробности бытовой жизни странников, устройство их общин, а также оценить взаимоотношения странников с представителями власти, сторонниками и противниками из числа приверженцев старообрядческого вероучения. Их удачно дополняют опубликованные произведения современников, на разных должностях занимавшихся миссионерской деятельностью в старообрядческой среде (Д. Островского, К.И. Казанского и К.А. Докучаева-Баскова). Все указанные источники содержат уникальные сведения по истории странников, подробные описания их быта, однако следует учитывать их обличительный характер.

Каргопольский уезд «представлял для бегунов особую важность». Вдоль него проходил «архангельский тракт», по сторонам которого «живет промышленное население, издавна находящееся в торговых сношениях с Кемью»[9]. Каргопольские крестьяне оказались между двух экономически значимых территорий, охваченных страннического движением. С одной стороны, бегунство распространилось в Поморье, а с другой — присутствовало в Вологодской губернии. Его приверженцы стремились «во что бы то ни стало приобрести безопасное сообщение друг с другом».

Старообрядчество: история, культура, современность. М.: Церковь, 2002. С. 339–347.

8. *Наградов И.С.* Деятельность ярославской судной комиссии по рассмотрению дела старообрядцев-странников (1852–1854 годы) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2013. № 6. С. 29–31; *Расков Д.Е.* Экономические институты старообрядчества. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2012. С. 186–204.

9. *Приклонский С.* Странники или бегуны (Из народной жизни на Севере). С. 102.

В Каргопольский уезд, находившийся под влиянием ряда старообрядческих толков, направились представители странников. По слухам (существование более надежных источников маловероятно) их вероучение распространял вологодский крестьянин Савва[10]. Как наставник он «пользовался громкой известностью», был человеком «начитанным и даровитым»[11]. В Каргополье его деятельность заключалась в том, чтобы привлечь на свою сторону максимальное количество «христолюбцев, т. е. странноприимцев, которые доставляли бы надежный приют и оказывали всякую помощь скрытникам». Для достижения поставленной цели ему «нужно было расположить население к бегунам». Он старался «устроить надежные пристани» по Архангельскому тракту с тем, чтобы скрытники «могли остановиться у христолюбцев с полной уверенностью, что их не выдадут полиции»[12]. В результате его деятельности влиянием странников оказались «охвачены почти все приходы северо-западной части Каргопольского уезда»[13].

Как указывал в конце XIX в. один из каргопольских миссионеров, радикальные старообрядцы-странники «в лице государя императора признают Антихриста». Они отрицательно относятся к государственным мероприятиям: «никаких повинностей они не несут, распоряжений властей не исполняют». Негативное отношение к мирянам стало логическим продолжением: «Православные миряне по их понятиям живут в антихристовом царстве»[14]. Странники выдвигали суровые обвинения в адрес представителей власти, как центральной, так и местной: «Во всех присутственных местах наших, по словам бегунов, сидят судии духоборные, губы жареные (от сигар) и табаком носы набитые». Их распоряжения не могут быть справедливыми: «судят и распоряжаются они по своей похоти, сиречь по злату и серебру». Причина неправедности властей предержащих носит трансцендентный характер: «помежду их пребывает и распоряжается противник Божий отец их диавол»[15]. Таким образом, подводил итоги составитель доку-

10. *Островский Д.* Каргопольские «бегуны». (Краткий исторический очерк). Петрозаводск, 1900. С. 3; *Докучаев-Басков К.А.* Из жизни каргопольских странников-бегунов. С. 14.
11. *Приклонский С.* Странники или бегуны (Из народной жизни на Севере). С. 104.
12. Там же. С. 117.
13. *Кулишова С.В.* Странники и миссионеры в Каргопольском уезде. С. 150.
14. Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. 25. Оп. 14. Д. 63/18. Л. 54 об.
15. Там же. Ф. 25. Оп. 14. Д. 61/20. Л. 6.

мента о бегунах, «и церковь и все общество, во главе с государем, составляют собою, по убеждению бегунов, особый греховный, сатанинский мир»[16]. Основное требование, выдвинутое создателем страннического толка Евфимия к адептам секты, заключалось в том, чтобы «истинный христианин таился и бегал или со Антихристом в брань вступал, чтобы он, одним словом, не имел здесь пребывающего града, а был в буквальном смысле слова неведомым миру странником»[17].

Осмысление происходящих в окружающем «антихристовом» мире событий приводило к дискуссиям в старообрядческой среде. «Эсхатология актуализировала самосознание, делала субъекта более ответственным за собственные действия и поступки»[18]. Под влиянием неизбежных противоречий страннический толк распался на ряд «разветвлений». «Безденежники» выделились из среды прочих странников «потому только, что увидели на деньгах ту же печать антихристову», что есть и на паспортах, и решили совсем «денег не брать»[19]. «Статейники» обязаны своим происхождением одному из местных крестьян, «который под видом того, чтобы установить в страннической секте некоторое благочиние и порядок, придумал устроить нечто вроде беспоповской страннической иерархии» и создал «устав или так называемые статьи». В них «положено, что у странников должен быть над всеми один старший». После введения новой должности в среде странников произошел раскол: многие из них «поняли властолюбивую и корыстную цель своего новоизбранного патриарха» и отделились от его общины, положив начало толку «противостатейников»[20] .

Всех странников объединяла одна идея: единственным способом спасения от власти Антихриста станет бегство[21]. Вполне логично предположить, что «система, уничтожающая даже простую оседлость <...>, просуществует в первичном своем виде недолго». Причина грядущего краха заключается в нестабильности: «при ней действительно невозможна была даже собственная организация сектантов». Бродяжничество «скоро разорвало бы связь ме-

16. Там же. Л. 6, об.

17. Там же. Л. 4, об.

18. *Расков Д.Е.* Экономические институты старообрядчества. С. 212.

19. НА РК. Ф. 25. Оп. 14. Д. 61/20. Л. 3.

20. Там же. Л. 4.

21. *Мальцев А.И.* Странники-безденежники в первой половине XIX века. С. 330.

жду последователями такого учения». Остались бы только «бездомные странствующие люди, друг друга не знающие и ничего общего друг с другом не имеющие»[22]. Такой вариант развития событий не осуществился. Странники решили, что последователями их учения могут стать и те, кто не покинул навсегда собственный дом. Странноприимство, т. е. создание постоянных пристанищ, не является изобретением бегунов, но они приспособили его к своим потребностям и теоретически обосновали.

Возникла новая категория приверженцев страннического вероучения: те, кто «дает лишь обет бегунства, а сам живет на миру». Они «составляли собою те звенья, которые не дали рассыпаться и бесследно затеряться по лесным трущобам всем этим бродячим странникам, а сплотили их в одно организованное общество», в рамках которого протекала значительная часть жизни бегунов. В домах «христолюбцев» устраивались молельни, которые стали центрами старообрядческой жизни: в них «мироотреченцы» совершали богослужения и созывали, как писал процитированный выше С. Приклонский, «так называемые соборы». Он же оставил подробное описание одного из пристанищ: «Дом Козловой прекрасно приспособлен к укрывательству бегунов и, можно сказать, наполнен тайниками». С первого взгляда он ничем не отличался от обыкновенных крестьянских построек, «а между тем какая бездна была в нем отдельных жилых помещений, подпольев, входов и выходов, темных нор!»[23].

В большинстве случаев использование дома для размещения странников объяснялось симпатией к их вероучению, но, по утверждению современников событий, иногда определенную роль играл страх: «отчаянный скрытник может из мести сжечь»[24]. В таких домах, как утверждали миссионеры, устраиваются «пристанодержательства», т. е. оборудуются различные секретные помещения. Их устройство «довольно замысловато»: оно всегда «обставлено так, что сразу и не смекнешь, что тут, где-нибудь под полом, куда спускаются через приподнятую половицу, на чердаке, в чулане и под печкой, есть помещение, где скрываются иногда разом по нескольку десятков сектантов». Затем получили распространение так называемые «подпечники». Они устраиваются в фундаменте печи: одна из досок «свободно ходит на шарнире»,

22. *Приклонский С.* Странники или бегуны (Из народной жизни на Севере). С. 114.

23. Там же. С. 115.

24. *Докучаев-Басков К.А.* Из жизни каргопольских странников-бегунов. С. 18.

открывая и закрывая собою доступ в помещение, имеющееся под печкой. В нем могут укрываться 5–6 человек[25].

Тайники для дополнительного предохранения «от нечаянного захвата», всегда соединяются между собой «замысловатыми ходами». Находящиеся в потаенных помещениях скрытники занимаются различным рукоделием: они плетут лапти, шьют башмаки, вяжут чулки, режут крестики, которые продают при содействии «пристанносодержателей». Труд «не обязателен, а больше от скуки». Создатели описаний жизни странников были убеждены в том, что странники опираются на регулярную щедрую поддержку от благотворителей[26]. О том, насколько обильны бывают денежные пожертвования, можно судить из того, что в 1866 г. одна «христолюбивая» купчиха из Ярославля разом послала в Каргопольский скрытнический «предел» 12 000 рублей. Пожертвования в 100–300 рублей «бывают очень нередки». «Все пожертвования поступают обыкновенно в распоряжение старшего». Он «делит их потом между всею братиею»[27]. Иногда средства расходовались на подкуп полицейских и на помощь собратьям-странникам, находящимся в местах заключения[28].

Содержатель укрытия «рано или поздно должен и сам сделаться действительным странником, т. е. скрыться из общества и стать неведомым миру христианином». Радикальная перемена в его жизни обычно сопровождалась перекрещиванием, поскольку совершенное в церкви крещение, по мнению странников, является лишь осквернением[29]. «Жиловые» бегуны, т. е. остающиеся в «миру» и дающие приют странникам, «перекрещиваются большею частью как можно ближе к смерти, чтобы поменьше после крещения нагрешить». Обряд совершается в тот момент, когда «старик или старуха заболевают какою-нибудь хроническою или сколько-нибудь острой болезнью». Почувствовав приближение смерти, они «иногда даже прощаются с соседями, говоря, что им уже не жить долго». Местом их последнего приюта становятся

25. НА РК. Ф. 25. Оп. 14. Д. 61/20. Л. 9.

26. *Островский Д.* Каргопольские «бегуны». (Краткий исторический очерк). С. 8; НА РК. Ф. 25. Оп. 14. Д. 61/20. Л. 10.

27. Там же. Л. 12, об.

28. *Островский Д.* Каргопольские «бегуны». (Краткий исторический очерк). С. 8.

29. *Мальцев А.И.* Социально-политические взгляды Евфимия по его сочинениям и позднейшим старообрядческим источникам // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск: Наука, 1988. С. 113.

жилища странников. Старики «сами уходят или уводятся родными в известный дом и потом исчезают бесследно»[30].

В числе странников оказывались по разным жизненным обстоятельствам. Иногда присоединение к их общинам становилось для женщин средством спасения от тиранства супругов[31]. Странническая жизнь привлекала авантюристов — «особых любителей бродяжнической жизни». Отправляющиеся в бессрочное странствие запасаются «бесовскими бумагами», т. е. паспортом, в котором указывается, что человек отправился на заработки (для мужчин) или на богомолье в Соловецкий монастырь (для женщин). Бумаги оказывались фальсификацией: «на самом-то деле они и не думают идти ни на дальний промысел, ни на богомолье в Соловецкий монастырь». Причины получения документов иные. С одной стороны, ими обзаводятся для того, чтобы «сделать свое исчезновение из мира менее заметным», а с другой — чтобы «не наделать лишних хлопот для своих оставшихся на миру родственников»[32].

Новоявленные бегуны стараются «по возможности вернее и разом порвать свои связи с обществом, в котором они раньше жили». После окончания срока действия паспорта «их обыкновенно записывают в безвестной отлучке», а впоследствии и «совершенно выписывают из мирских сказок», что являлось одной из целей скрытников, поскольку «все те, которые в этих сказках, значатся в адских книгах, у самого сатаны на коленях». Вместо паспорта у странника обнаруживалась бумага с оригинальным текстом: «Объявитель сего раб Иисуса Христа (имярек) уволен из Иерусалима града Божия в разные города и селения ради души прокормления, грешному же телу ради всякого озлобления. Утверди мя, Господи, во святых твоих заповедях стояти и от востока тебя, Христе, к западу, сиречь, к антихристу не отступати <...> Дан сей паспорт из Града Бога Вышняго, из Сионской полиции, из Голгофского квартала. Приложено к сему паспорту множество невидимых святых отец рук»[33].

При вступлении в общины старообрядцев-странников использовалось перекрещивание. Намеревающийся стать бегуном (странником) «идет в известную пустыньку, скит или просто в по-

30. НА РК. Ф. 25. Оп. 14. Д. 61/20. Л. 18.

31. *Докучаев-Басков К.А.* Из жизни каргопольских странников-бегунов. С. 22.

32. НА РК. Ф. 25. Оп. 14. Д. 63/18. Л. 9.

33. Там же. Л. 10, об.

дызбицу, куда ему указано». Там неофит совершает обряд «в какой-либо ближайшей реке, пруду или даже в кадке с водою». Заметную роль в таинстве вполне закономерно играют наставники «или особенно уважаемые старицы». Выбор времени оставался свободным: «Перекрещивают во всякое время года и не только здоровых и взрослых, но и больных и младенцев <...> Новокрещеному дают новое имя, в большинстве случаев иноческое». Обряд завершался заменой нательного креста и переодеванием: взамен креста, данного при православном крещении, «надевают свой скрытнический», часто из вересового (можжевелового) дерева, иногда в жестяной или оловянной оправе. «Вместе с этим ему указывают, хотя и без непременного обязательства, носить определенную одежду».

Среди каргопольских бегунов существовали правила поведения, обязательные после крещения. Женщинам рекомендуется носить «обыкновенные темных цветов староверческие сарафаны с пуговками и черные платки». Мужчин странники обязывают иметь выстриженное по темени «гуменце», чтобы «благодать могла вернее проходить сквозь голую голову во всего человека». Новокрещеный запасается отдельным медным образком. Перед иконой он молится, кладет ее всегда на заблюдник во время еды и питья, заводит отдельную посуду. Образок, которым запасается скрытник, обыкновенно бегунского изготовления, так как покупать, держать и поклоняться тем образам, которые сделаны не скрытническими руками, считалось великим грехом. После перекрещивания новоиспеченный странник не может принимать к себе священника и тем более ходить в церковь. В его жизни появлялись и другие суровые запреты: «он не может также курить табак, пить вино и чай, есть мясное, ходить на пирушки и принимать присягу»[34].

Как писал современник событий, «скрытницкая вера, как известно, никогда не полагала на своих последователей завета целомудрия». Существовала свобода нравов: «В строгом смысле тесно соединившихся пар у них нет. Браков они, в виду оскудения со времен патриарха Никона тайнодействий вообще не признают». По сравнению с венчанием в церкви такая жизнь представлялась старообрядцам более благочестивой. В браке, заключенном в церкви, «они видят даже больший грех, чем в блуде и незаконном прижитии детей с принадлежащими к секте жен-

34. НА РК. Ф. 25. Оп. 14. Д. 61/20. Л. 11, об.

щинами»[35]. Здесь возникали сложности. Против отрицания брака выступили «некоторые из среды самих же странников, положив начало толку так называемых брачников». Миссионерам удалось узнать важные подробности о противоречиях в среде старообрядцев. Из Ярославля явились два проповедника; они пробрались в Каргополь, «пытаясь установить среди каргопольских странников обряд брака в виде согласия двух лиц», которые перед лицом общины обязывались сохранять взаимную верность, но предложение не имело никакого успеха. В других местностях России «проповедь брака среди странников привилась сравнительно слабо»[36].

Противостояние с полицией стало неотъемлемой составной частью повседневной жизни странников. Об этом драматическом и непредсказуемом аспекте истории старообрядчества повествуют отчеты уездного полицейского руководства. Как рапортовал каргопольский исправник, в октябре 1878 г. урядники задержали на вверенном их попечению участке двух «расколоучителей». Сообщая об успехе, исправник подчеркивал, что успех полицейских «выходит из ряда обыкновенных», поскольку «означенные расколоучители есть одни из главных в Каргопольском уезде». Сложность в проведении полицейских мероприятий заключалась в том, что противодействие полиции оказывало значительное количество лиц: «Народное сочувствие к ним до того велико, что предпринятие поимки не совсем безопасно для преследователей». Доказательством служит факт «отбития» одного из влиятельных страннических наставников Никанора[37] в 1878 г. «народом от караула», сопровождавшееся жестокой стычкой каргопольских староверов с полицией — «побоищем». Неспроста чиновники полиции, «командированные для преследования и поимки беглых странников», обеспечивались «военною, вооруженною стражею». Чрезвычайные меры принимались по причине недоверия к местным жителям, а также «из видов охранения безопасности преследователей»[38].

Арест влиятельных старообрядческих наставников стал наиболее заметным успехом каргопольской полиции, но пере-

35. Там же. Л. 12.

36. Там же. Л. 13.

37. Подробнее о нем см.: *Островский Д.* Каргопольские «бегуны». (Краткий исторический очерк). С. 18.

38. НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37/807. Л. 135–136.

ломить ситуацию не удалось. Приходское духовенство вновь и вновь сталкивалось с нашествиями старообрядцев, которые демонстративно совершали обряды на глазах духовенства и мирян. В 1900 г. местный миссионер указывал на неслыханное, демонстративное поведение бегунов: «В конце декабря 1900 г. в Каргопольском уезде появились странники в числе 30 человек с походною церковью и хором певчих». В дни рождественских праздников они находились в Ошевенском приходе. «Откуда они явились и куда ушли, неизвестно». Пути продвижения бегунских проповедников духовенству удалось выяснить: «Обычно являются проходящие наставники странников из Томска и Ярославля к странникам Ошевенского и Верхнегурьевского приходов, чтобы поддержать их в вере и раздать милостыню. Заходят сюда также шунгские раскольники нашей (Олонецкой. — *М. П.*) епархии»[39]. Со своей стороны, каргопольские странники посещали для проповеди удаленные от них территории. Сильнейшее влияние на население Удорского края «оказывали скрывающиеся здесь бегуны, прибывшие из Каргопольского уезда Олонецкой губернии»[40]. Каргополы занесли свое вероучение в край коми и поддерживали контакты с «удорскими единоверцами»[41]. В свою очередь, странники-переселенцы из коми края селились в Каргопольском уезде Олонецкой губернии: там они живут, умирают и «предаются единоверцами скрытно, неизвестно где, земле»[42].

Погребения странников отличались специфическими чертами. В 1899 г. удалось обнаружить значительное бегунское кладбище, расположенное в крестьянских хозяйственных постройках. Обнаруженные в нем трупы «погребены без всяких гробов»[43]. По данным из миссионерского отчета, составленного в 1912 г., большинство приверженцев «древлего благочестия» «хоронят своих умерших на общих православных кладбищах в особо отведенных углах». Но странники имеют собственные представления о проводах в последний путь: они «зарывают своих умерших в лесах,

39. Там же. Л. 53.

40. *Прокуратова Е.В.* Старообрядческая культура Коми края XVIII–XX вв.: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб.: Пушкинский дом, 2010. С. 22.

41. Там же. С. 35.

42. Там же. С. 40.

43. *Островский Д.* Каргопольские «бегуны». (Краткий исторический очерк). С. 21.

гумнах, огородах в сидячем положении»[44]. Покойников странники «завертывают в холст или рогожу и без гроба зарывают в землю с приподнятою головою», чтобы они могли «услышать при Страшном Суде трубу архангела и скорее встать для встречи Христа»[45]. В 1900 г. помощник миссионера Каргопольско-Пудожского округа составил отчет, в котором указывал, что на вверенной его надзору территории «особых раскольнических кладбищ не существует». На вопрос о пропавших согражданах родственники «сочиняют обыкновенно какую-нибудь небылицу»[46].

Подводя итоги, отметим, что деятельность органов власти в течение длительного времени была нацелена на тщательное изучение причин появления и специфических видов активности странников. В работах, созданных по заказу губернского правления, высказывались суровые обвинения в адрес бегунов. Ответные претензии со стороны странников в адрес власти, отдельных чиновников и пока еще живущих в миру потенциальных сторонников заключались в том, что все они обвинялись в фатальном отступлении от веры, добровольном пребывании в мире Антихриста. Местный административный аппарат и центральная власть не могли примириться с существованием общин странников, выступающих против основ государственного устройства и широко распространяющих свое учение. Со стороны странников возвращение к «обывательской жизни» также представлялось маловероятным, поскольку присоединение к их общинам означало полный и бесповоротный разрыв с прежней жизнью. В итоге процесс приобрел крайне болезненный для обеих сторон характер, а противостояние между странниками и местной администрацией в Каргополье продолжилось в течение столетия, включая период Советской власти[47].

Влияние странников оставалось заметным в такой экономически развитой части Европейского Севера России, как Каргопольский уезд. Здесь сообщества бегунов мало напоминают

44. *Козлов И.* Миссионерский отчет о состоянии и движении раскола Олонецкой епархии и деятельности епархиальной миссии против раскола и сектантства // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 22. С. 3.

45. *Островский Д., свящ.* Извлечение из отчета о состоянии раскола и действиях миссии в Олонецкой епархии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. № 21. С. 736.

46. НА РК. Ф. 25. Оп. 14. Д. 63/18. Л. 45, об.

47. *Бубнов Н.Ю.* Духовное наследие каргопольских странников // Христианство и Север. М., 2002. С. 146.

«конфессию-изолят», выступая в качестве активной части местного сообщества. В конечном итоге, «проповедь побега, выхода за пределы антихристова мира по сути свелась к вопросу о форме и степени допустимой связи с миром»[48]. Во-первых, деятельность странников привлекала внимание местного духовенства, которое осуществляло в отношении бегунов миссионерскую деятельность, побуждая к спорам о вере[49]. Во-вторых, в силу исключительной мобильности странники активно взаимодействовали с местными жителями, вовлеченными в религиозные споры, как с целью подбора новых адептов, так и для поиска пристанищ. В-третьих, сообщества странников различных территорий активно взаимодействовали между собой. Все перечисленное в совокупности выводило странников на дорогу активной общественно-религиозной деятельности.

Библиография / References

Архивные материалы

НА РК — Национальный архив Республики Карелии

НА РК. Ф. 25. Оп. 14. Д. 63/18.

НА РК. Ф. 25. Оп. 14. Д. 61/20.

НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37/807.

Литература

Аксаков И.С. Краткая записка о странниках или бегунах // Русский архив. 1866. № 4. С. 627–644.

Алябьев. Записка о страннической или сопелковской ереси о мерах к преграждению ея влияния // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Лондон, 1861. Вып. 2. С. 41–75.

Бубнов Н.Ю. Духовное наследие каргопольских странников // Христианство и Север. М.: Б.и., 2002. С. 146–137.

Докучаев-Басков К.А. Из жизни каргопольских странников-бегунов // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете 1913 г. М.: Синодальная типография, 1913. Кн. 3 (246). С. 14–27.

Дроздин, И. Беседа с раскольником Шляпкиным в Троицком приходе Каргопольского уезда (из миссионерского дневника) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1899. № 16. С. 29–35.

48. *Мальцев А.И.* Странники-безденежники в первой половине XIX века. С. 331.

49. Дроздин, И. Беседа с раскольником Шляпкиным в Троицком приходе Каргопольского уезда (из миссионерского дневника) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1899. № 16. С. 29–35; Здравомыслов, А. Беседа с раскольниками старообрядцами в г. Каргополе 1904 г. 16-го мая в день Св. Троицы // Там же. 1904. № 16. С. 483–488 и др.

Дутчак Е.Е. Биография старовера-странника: проблемы реконструкции // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 80–83.

Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 410 с.

Здравомыслов А. Беседа с раскольниками старообрядцами в г. Каргополе 1904 г. 16-го мая в день Св. Троицы // Олонецкие епархиальные ведомости. 1904. № 16. С. 483–488.

Казанский К.И. О расколе в Троицком приходе Каргопольского уезда. Петрозаводск, 1890. 48 с.

Козлов И. Миссионерский отчет о состоянии и движении раскола Олонецкой епархии и деятельности епархиальной миссии против раскола и сектантства // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 22. С. 3–17.

Кулишова С.В. Странники и миссионеры в Каргопольском уезде // Христианство и Север. М.: Б.и., 2002. С. 143–154.

Лихачев А. О старообрядцах в Каргопольском уезде. Петрозаводск, 1911. 46 с.

Максимов С.В. Скрытники и христолюбцы // Отечественные записки. 1876. № 7–8. С. 34–46.

Мальцев А.И. Социально-политические взгляды Евфимия по его сочинениям и позднейшим старообрядческим источникам // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск: Наука, 1988. С. 103–117.

Мальцев А.И. Краткая формула исповедания веры у староверов-странников // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2000. С. 62–69.

Мальцев А.И. Староверы-странники в XVIII–первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 268 с.

Мальцев А.И. Странники-безденежники в первой половине XIX века // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск: Наука, 1989. С. 330–351.

Наградов И.С. Деятельность ярославской судной комиссии по рассмотрению дела старообрядцев-странников (1852–1854 годы) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2013. № 6. С. 29–31.

Островский Д. Каргопольские «бегуны» (краткий очерк) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 371–376.

Приклонский С. Странники или бегуны (Из народной жизни на Севере) // Северный вестник. 1888. № 9. С. 101–128.

Прокуратова Е.В. К вопросу об изучении вопросо-ответных сочинений странников-статейников XIX–XX вв. // Старообрядчество: история, культура, современность. М.: Церковь, 2002. С. 339–347.

Прокуратова Е.В. История каргопольских странников в сочинениях старообрядческого книжника XX века М.И. Залесского // Рябининские чтения — 2015. Петрозаводск, 2015. С. 504–506.

Прокуратова Е.В. Старообрядческая культура Коми края XVIII–XX вв.: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб.: Пушкинский дом, 2010. 528 с.

Пругавин А.С. Вредные секты: Очерки уральского сектантства по официальным данным // Русская старина. 1884. № 3. С. 640–649.

Пругавин А.С. Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий. М., 1918. 128 с.

Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2012. 344 с.

Харламов И.Н. Странники: Очерк из истории раскола // Русская мысль. 1884. № 4–6. С. 34–85.

Archival materials

Natsionalnyi Arkhiv respubliki Kareliia [National Archive of the Republic of Karelia].

NA RK. F. 25. Op. 14. D. 63/18.

NA RK. F. 25. Op. 14. D. 61/20.

NA RK. F. 2. Op. 1. D. 37/807.

Literature

Aksakov, I.S. (1866) “Kratkaia zapiska o strannikakh ili begunakh” [A Brief Note on Wanderers or Runners], in *Russkii arkhiv* 4: 627–644.

Aliab′ev (1861) “Zapiska o strannicheskoĭ ili sopelkovskoi eresi o merakh k pregrazhdeniiu eia vliianiia” [A note on a stranger or Sopelka heresy on measures to block its influence], in *Sbornik pravitel'stvennykh svedenii o raskol'nikakh, sostavlennyi V.* Kel′*sievym*, Vyp. 2, pp. 41–75. London.

Bubnov, N.IU. (2002) “Dukhovnoe nasledie kargopol′skikh strannikov” [The spiritual heritage of the Kargopol wanderers], in *Khristianstvo i Sever*, pp. 146–137. M.

Dokuchaev-Baskov, K.A. (1913) “Iz zhizni kargopol′skikh strannikov-begunov” [From the life of Kargopol runner wanderers], in *Chteniia v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete v 1913 g*. Kn. 3 (246), pp. 14–27. M.

Drozdin, I. (1899). Beseda s raskol′nikom Shliāpkinym v Troitsk̄om prikhode Kargopol′skogo uezda (iz missionerskogo dnevnika) [Conversation with schismatic Shlyapkin in the Trinity parish of the Kargopol district (from the missionary diary)], in Olonetsk̄ie eparkhial′nye vedomosti. 16: 29–35.

Dutchak, E.E. (2007) “Biografiia starovera-strannika: problemy rekonstruktsii” [Old Believer Wanderer Biography: Problems of Reconstruction], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 302: 80–83.

Dutchak, E.E. (2007) *Iz «Vavilona» v «Belovod'e»: adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraia polovina XIX — nachalo XXI v.)* [From “Babylon” to “Belovodye”: Adaptation Capabilities of Taiga Communities of Old Believers-Wanderers (second half of the 19th–early 21st centuries)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta.

Zdravomyslov A. (1904) Beseda s raskol′nikami staroobriādtsami v g. Kargopole 1904 g. 16-go maiā v den′ Sv. Troitsy̆ [Conversation with schismatic Old Believers in the town of Kargopol 1904 May 16, Holy Trinity Day], in Olonetsk̄ie eparkhial′nye vedomosti. 16: 483–488.

Kazanskii, K.I. (1890) *O raskole v Troitskom prikhode Kargopol'skogo uezda* [About the split in the Trinity parish Kargopolsky County]. Petrozavodsk.

Kharlamov, I.N. (1884) “Stranniki: Ocherk iz istorii raskola” [Wanderers: Essay on the History of the Schism], *Russkaia mysl'* 4–6: 34–85.

Kozlov, I. (1912) “Missionerskii otchet o sostoianii i dvizhenii raskola Olonetskoi epar-khii i deiatel′nosti eparkhial′noi missii protiv raskola i sektantstva” [Mission report on the state and movement of the split of the Olonets diocese and the activities of the diocesan mission against split and sectarianism], in *Olonetskie eparkhial'nye vedomosti* 22: 3–17.

Kulishova, S.V. (2002) “Stranniki i missionery v Kargopol′skom uezde” [Wanderers and Missionaries in Kargopol County] in *Khristianstvo i Sever*, pp. 143–154. M.

Likhachev, A. (1911) *O staroobriadtsakh v Kargopol'skom uezde* [On the Old Believers in Kargopol County]. Petrozavodsk.

Maksimov, S.V. (1876) “Skrytniki i khristoliubtsy” [Hikers and Christians], *Otechestvennye zapiski* 7–8: 34–46.

Mal′tsev, A.I. (1988) “Sotsial′no-politicheskie vzgliady Evfimiia po ego sochineniiam i pozdneishim staroobriadcheskim istochnikam” [Socio-political views of Euthymius in his writings and later Old Believer sources], in Istochniki po istorii obshchestvennoi mysli i kul′tury ėpokhi pozdnego feodalizma, pp. 103–117. Novosibirsk: Nauka.

Mal′tsev, A.I. (2000) “Kratkaia formula ispovedaniia very u staroverov-strannikov” [A Brief Formula for Confession of Faith among Old-Believers], in *Staroobriadchestvo: istoriia, kul'tura, sovremennost'*. pp. 62–69. M.: Tserkov′.

Mal′tsev, A.I. (1996) *Starovery-stranniki v XVIII — pervoi polovine XIX v.* [Old Believers-Wanderers in the 18th — 1st Half of the 19th Centuries]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf.

Mal′tsev, A.I. (1989) “Stranniki-bezdenezhniki v pervoi polovine XIX veka” [Wanderers in the first half of the 19th century], in *Khristianstvo i tserkov' v Rossii feodal'nogo perioda*, pp. 330–351. Novosibirsk: Nauka.

Nagradov, I.S. (2013) “Deiatel′nost′ iaroslavskoi sudnoi komissii po rassmotreniiu dela staroobriadtsev-strannikov 1852–1854 gody)” [The activities of the Yaroslavl Judicial Commission for the consideration of the case of the Old Believers-Wanderers (1852–1854)], *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* 6: 29–31.

Ostrovskii, D. (1900) “Kargopol′skie «beguny» (kratkii ocherk)” [Kargopol «runners» (short essay)], *Olonetskie eparkhial'nye vedomosti* 10: 371–376.

Priklonskii, S. (1888) “Stranniki ili beguny (Iz narodnoi zhizni na Severe)” [Wanderers or Runners (From Folk Life in the North)], *Severnyi vestnik* 9: 101–128.

Prokuratova, E.V. (2002) “K voprosu ob izuchenii voprosо-otvetnykh sochinenii strannikov-stateinikov XIX–XX vv.” [To the question of the study of question-answer works of pilgrims-wanderers of the XIX–XX centuries], in *Staroobriadchestvo: istoriia, kul'tura, sovremennost'*, pp. 339–347. M.: Tserkov′.

Prokuratova, E.V. (2015) “Istoriia kargopol′skikh strannikov v sochineniiakh staroobriadcheskogo knizhnika XX veka M.I. Zalesskogo” [The history of the Kargopol wanderers in the works of the Old Believer scribe of the twentieth century M.I. Zalessky] in *Riabininskie chteniia-2015*, pp. 504–506. Petrozavodsk: KarNTS RAN.

Prokuratova, E.V. (2010) *Staroobriadcheskaia kul'tura Komi kraia XVIII–XX vv.: knigopisnaia deiatel'nost' i literaturnoe tvorchestvo udorskikh staroverov* [Old Believer culture of the Komi Territory of the 18th–20th centuries: book-writing activity and literary work of Udora Old Believers]. SPb.: Pushkinskii Dom.

Prugavin, A.S. (1884) “Vrednye sekty: Ocherki ural′skogo sektantstva po ofitsial′nym dannym” [Harmful sects: Essays on Ural sectarianism according to official figures], *Russkaia starina* 3: 640–649.

Prugavin, A.S. (1918) *Nepriemliushchie mira. Ocherki religioznykh iskanii* [Unacceptable of the world. Essays on religious quest]. M.

Raskov, D.E. (2012) *Ekonomicheskie instituty staroobriadchestva* [Economic Institutions of the Old Believers] SPb.: Izd-vo SPb un-ta.